

ВЪРОНИСЛАВА
ВОНСОВИЧ

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию
«НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ»

Карина Демина

Одиночество и тьма. Одинокий некромант
желает познакомиться
Одиночество и тьма. На краю одиночества

Бронислава Вонсович

«Гимназистка. Клановые игры»
«Гимназистка. Нечаянное турне»
«Гимназистка. Под тенью белой лисы»

Франциска Вудворт, Екатерина Васина

«Особый случай»
«Особое предложение»

Марина Ефиминюк

«Между двумя мирами. Школа выживания»
«Между двумя мирами. Сердце Абриса»
«Пряная штучка»

Галина Герасимова

«Механика невезения»

Юлия Риа

«Из стали и пламени»

Кристи Кострова

«Горничная для некроманта»

Тереза Тур

Я не ведьма

Анна Рэй

Ассистент для темного

Юлия Шкутова

Архивные истории. Говорящая с призраками
Проклятая

Екатерина Флат

Лето любви. Тайные свидания

Варя Медная, Алена Савченкова

Лорд на исправительных работах

В БРОНИСЛАВА
ВОНСОВИЧ

— ГИМНАЗИСТКА —
ПОД ТЕНЬЮ
БЕЛОЙ ЛИСЫ

Издательство АСТ
Москва

... ГЛАВА 1 ...

Николай пришел поздно, так поздно, что я уже успела не только выспаться, но и проголодаться. Как назло, в комнату просачивались необычайно вкусные запахи — то ли квартирная хозяйка с полной ответственностью относилась к питанию постояльца, то ли готовила для своей семьи, а бедный Хомяков питался где-нибудь на службе, страдая от аппетитных ароматов так же, как сейчас я.

Расчувствоваться я не успела, поскольку наконец услышала его голос. Но в свою комнату Николай подниматься не торопился, о чем-то говорил с женщиной внизу. О чем — я даже не слушала, лихорадочно заметавшись по комнате, поскольку внезапно сообразила, что понятия не имею, что ему говорить. И как вообще его встречать.

«Привет, милый, это я». И лапами ему глаза закрыть, чтобы догадывался, кто именно эта я. Да, звериная форма несколько ограничивает. Но не принимать же человеческую? На мне ровным счетом ничего нет. А голой его встречать несколько... Скажем так, преждевременно. Но тут мне на глаза попался приземистый шифоньер с зеркалом. Можно же было позаимствовать что-нибудь из одежды Николая? Или нельзя?

Я поняла, что меня пугает. Не то, что Николай не согласится помогать. Нет, я как раз была уверена, что в помощи он не откажет. А вот то, что он вдруг скажет: «Простите, Елизавета Дмитриевна, но теперь в моем сердце и в моих мыслях Ольга Александровна», — вот это страшило по-настоящему, мешало надеть что-то из хомяковских вещей

и встречать его так, чтобы он видел во мне не оборотня, но девушку.

И все же я почти решилась, когда разговор внизу прекратился и послышались торопливые шаги, наверняка хомяковские. Брать что-то из шкафа было поздно, и я просто застыла, уповая на отвод глаз. Сейчас увижу — и сразу пойму. Все пойму...

Додумать, что «все», я не успела. Николай распахнул дверь резко, столь же резко ее захлопнул и застыл на пороге. Настороженно так застыл. Я проследила направление его взгляда: мое уютное гнездышко на кровати лучше любых слов говорило, что кто-то там повалился.

— Лиза? — неуверенно сказал Николай и тут же уверенно добавил: — Лиза, я знаю, что вы тут.

Но я снимать полог не торопилась. Знает он, как же. Может, я повалилась на кровати и убежала. Или не я, а Ольга Александровна. Или вообще... Волков. Да, точно, Волков, чтобы понять, как к нему относится Хомяков. Точнее, ко мне. Или к нему. В конце концов, это личное дело Волкова, кем и с какой целью он интересуется. Я в его дела не лезу и вообще хочу быть как можно дальше.

— Лиза, я волнуюсь, — тем временем продолжил Николай. — Я очень волнуюсь. Если это действительно вы, а не игра моего воображения, покажитесь.

Отвод глаз я сняла, набросила полог тишины на эту комнату и сразу почувствовала уязвимость своего положения: Хомяков навис над моей маленькой рыськой ангелом мщения, огромным и гневным.

— Лиза, как вы могли так со мной поступить? — возмущенно спросил он. — Я же говорил, что вы можете рассчитывать на мою помощь, а вы сбежали, никому ничего не сказав.

— Мне надо было бабушке довериться? — обиделась я. — Или Оленьке все выложить? Боюсь, Волковы из твоих родных всю информацию вытрясли бы.

— Мама не стала бы действовать на благо клана Волковых.

— Зато я знаю того, кто стал бы, — надулась я и запрыгнула на стул, чтобы казаться хоть немного выше. Это не

сильно помогло, разница в размерах все равно чувствовалась. Показалось ужасно несправедливым, что я в звериной форме, а Николай нет. Придавила бы его лапой, быстро перестал бы ругаться. — Я все это время только и делала, что удирала от штабс-капитана, а он меня догонял. Включать в эти игры еще и вас я посчитала лишним.

— Игры? — необычайно холодно переспросил Николай. — Действительно, зачем вам включать меня в ваши игры с Волковым.

Похоже, я опять сказала что-то, имеющее отношение к традициям оборотней, но не имеющее отношения к моей нынешней ситуации. Николай выглядел по-настоящему оскорбленным, хотя должен был понимать, что то, что для Волкова — игра, для меня — попытки выжить.

— Черт вас подери! — вспыхнула я. — Вы прекрасно понимаете, что у меня нет и быть не может никаких оборотнических игр с Волковым. Я просто неудачно выразилась. — И еще неудачно выбрала стиль разговора, потому что говорить гадости рыси куда проще, чем нравящейся девушке, пусть как рысь я тоже очень даже хороша. Но, возможно, ему сейчас больше нравятся львицы. Львицы с длинными ослиными хвостами и глупыми мордами. — Или вы сейчас пытаетесь меня обвинить, потому что у самого рыльце в пушку?

Я подпрыгнула на стуле и грозно клацнула челюстями вблизи его носа, на котором, конечно, никакого пушка не было и даже следа от помады не наблюдалось, но это еще ни о чем не говорило. Помаду и стереть можно. Даже до того, как начинаешь целоваться. Или вообще не наносить. Положительно, для разговора нужен другой стиль. Пусть я сейчас и контролирую рысь, но нервное напряжение растет, я могу потерять контроль, и тогда Николай одной порванной подушкой не отделается.

— Вы о чем, Лиза? — опешил Николай, даже не вздрогнувший при моих попытках его запугать.

— Не так давно мне попала на глаза пара статей в газетах о вас и о великой княжне... — как можно невозмутимей заметила я.

Продолжать не понадобилось, Николай зло бросил:

— Ноги бы поотрывать тому, кто запустил эту сплетню. Между мной и великой княжной ничего нет. Я исполняю исключительно роль сопровождающего лица, и только.

— Неужели Ольгу Александровну больше некому сопровождать? — недоверчиво фыркнула я.

— Почему некому? — не поддался на провокацию Николай. — Есть кому. Но подавливают исключительно те моменты, когда сопровождаю я.

Я подозрительно на него уставилась, но ничего в хомяковском облике не указывало на то, что он испытывает к великой княжне хотя бы тень тех чувств, про которые почти открыто пишут в статьях.

— Почему же тогда вас продолжают ставить в ее сопровождение?

— Потому что Александр Третий не желает идти на поводу у газетчиков и менять охрану им в угоду, — пояснил Николай.

Сказал он это как-то странно, словно сам не верил в свои слова, из-за чего мои подозрения вспыхнули с новой силой.

— Что у вас с ней? — резко спросила я и поставила лапу ему на грудь.

Пока мягкую, я даже когти не выпускала. Но это только пока. Если надо — и когти выпущу, и наглуго физиономию расцарапаю перед тем, как удрать.

— У меня с ней ничего. Лиза, вы ревнуете? — удивился он. — Но сопровождение великой княжны — это просто служба, отказаться от которой я не могу.

И опять в его голосе прозвучала нотка обреченности. Что бы там ни было, посвящать меня в свои проблемы Хомяков не собирался. Возможно, прямо сейчас не удастся вытащить из него правду, но я постараюсь.

— Не про всякую службу пишут, что это курс сближения с мелкими кланами и все идет к помолвке. Конечно, для спасителя цесаревича могут сделать исключение. Особенно если учесть, какой скромный этот спаситель, что не обмолвился ни единым словом, когда мы с ним виделись последний раз.

— Времени было мало, а это не такое уж важное деяние. Мне просто повезло, — чуть смутился Николай.

— Так повезло, что вы теперь личный телохранитель великой княжны?

— Это просто служба. Я с ней наперегонки по снегу не бегал, — заметил Николай, явно намекая на устроенные Рысьиными смотрины.

— Еще бы, — фыркнула я. — С ее шерстью по снегу не побегаешь.

Намеки на мои клановые проблемы злили, но сделать я ничего не могла: пока я рысь, даже мой внешний облик будет напоминать о Рысьиных. Значит, нужно перестать ею быть, хотя бы временно.

— Дайте мне свою рубашку.

— Зачем? — удивился Николай.

— Мне надо, — как можно увереннее бросила я. — Скорее же. Я потом все объясню.

Он подошел к шифоньеру, взял с одной из полок аккуратно сложенную рубашку и положил на стол передо мной. Смотрел он при этом с каким-то детским любопытством.

— Отвернитесь, — скомандовала я.

— Я хочу видеть, что вы будете делать с моей рубашкой, — запротестовал он. — Пусть я даже ничего не пойму, но...

— Нет времени спорить. Увидите, но чуть позже. Отвернитесь. И не подглядывайте.

Николай ожидаемо надулся, оскорбленный моим недоверием, но спорить не стал, повернулся к двери, и лишь чуть изменившаяся форма ушей указывала, что без присмотра, точнее, без прислуха он свое имущество не оставил. Но я портить его рубашку не собиралась. Она была белейшая, накрахмаленная до жесткости, с забавными складочками на груди и смешными крошечными пуговичками. Застежка доходила только до середины, а низ был сплошной, но приличней я от этого не выглядела. Пусть рубашка была довольно длинной, но солидные разрезы по бокам, наверняка облегчавшие одевание, заставили меня пожалеть о том, что не по-

просила еще что-нибудь вниз. Что-нибудь такое, что можно использовать как юбку. Скатерть, например...

Увы, скатерть на столе была ажурной вязки крючком и, подозреваю, не сделала бы мой вид приличнее ни на йоту, поэтому я вздохнула, забралась на стул с ногами, так чтобы их прикрыть по максимуму, и сказала Николаю:

— Можете поворачиваться.

Он обернулся и застыл. Ненадолго застыл. А потом... Нет, я думала, что он может смутиться, покраснеть, замямлить что-то о неприличности моего вида, но вместо этого Хомяков захохотал. Совершенно неприлично захохотал, словно он был в цирке, а я — развлекающим его клоуном. Поэтому покраснела я и чуть срывающимся голосом спросила:

— И что такого смешного вы углядели, Николай?

— Простите, Лиза, не удержался. — Он забавно шмыгнул носом и чуть встревоженно сказал: — Я не над вами. Просто оказалось весьма неожиданным, что моя рубашка понадобилась вам именно для этого.

— Не могу же я с вами в голом виде разговаривать, — возмутилась я. — Или вам жалко своей рубашки?

— Не жалко, но... Права оказалась Оля.

— Какая именно? — вредно уточнила я.

— Сестра, разумеется, — удивился он. — Лиза, давайте уже оставим в покое несчастную Ольгу Александровну? А то ведь до меня тоже доходили слухи, что вы не просто так сбежали, а из любви к Песцову. Пропали из города одновременно с ним.

Желание выложить всю правду про Песцова было чрезвычайно сильным, но я ему не поддавалась: совершенно неподходящее было время. И место. И одежда тоже совершенно неподходящая. Подумать только, мне придется оправдываться перед Николаем за то, чего я не делала, скукожившись в его рубашке на его стуле в его комнате. Нет, время для признания точно неподходящее.

— Какая феерическая чушь, — недовольно пробурчала я, с трудом удержав за зубами замечание, что это все происки Соболевой Ксении Андреевны, которую я знать никак

не могла и очень надеялась никогда более не встретить. — И в чем же оказалась права Оленька?

— Она сказала, что с вашей удачливостью до Царсколевска вы если и доберетесь, то без одежды, положившись исключительно на второй облик.

— Права она только наполовину, — неохотно признала я. — По поводу одежды. Но это результат несчастного случая.

И кривых лап песцовского родственника, чтоб у него оба хвоста отвалились и выросли вместо них четыре! Может, тогда его баланс ипостасей придет в норму. Или маятник качнется. И Ли Си Цын начнет стремительно худеть. А звериная форма столь же стремительно толстеть. Я потрясла головой, отгоняя видение белого красноглазого шарика с четырьмя хвостами, и сосредоточилась на вопросе Николая.

— То есть вы сейчас совсем без вещей и без денег?

— С вещами, деньгами и документами, но без одежды, — отрапортовала я.

— С вещами? — удивился Николай.

— Вещей мало, но они есть. Только самое необходимое.

— Вы в зубах притащили? — продолжал он допытываться, хотя и видел, что разговор мне неприятен.

— Нет, провалилась неудачно в телепорт. Или удачно — это как посмотреть, до Царсколевска я добралась и Волкова с хвоста сбросила. Он меня сейчас пытается поймать совсем в другом городе.

При упоминании Волкова Николай помрачнел. Я тоже прекрасно понимала, что лишь отсрочила возможные проблемы с этим типом.

— Он приходил ко мне. Пытался выяснить, что я про вас знаю. Фаина Алексеевна ему...

— Пообещала меня, если найдет, я знаю. Только он меня не найдет, — уверенно ответила я. — У меня есть направление от армии на целительский факультет, откуда меня ни он, ни любящая бабушка не выцарапают. Как только начнут принимать документы...

— Нужно свидетельство об окончании гимназического курса, без него вас не примут. А до сдачи экзаменов в любой момент могут перехватить.

— У меня есть, — похвасталась я. — Я же не просто так скрывалась, я готовилась.

В отличие от тех, кто в это время развлекался в компании великой княжны. Служба у него, видите ли, такая. О которой в газетах пишут. Подозрительность хоть и уменьшилась, но осталась. Я нутром чуяла: недоговаривает что-то Николай.

— Тогда вам нужно как можно скорее отнести документы. Принять вас могут хоть завтра.

— Завтра? — удивилась я. — Но обучение?.. Я же пропустила целый семестр?..

— Примут завтра, но в группу, которая начнет обучение только осенью, — пояснил Николай. — Это отработанный способ ухода от кланов. Не вы первая сбегаете. Вам нужно просто добраться до кафедры, на которую ваше направление.

Просто добраться? Легко сказать. Не уверена, что Волков даст столько форы. Да и поступление защитит меня от притязаний Рысьиной, но не от него. Впрочем, от него и бабушка не торопилась защищать, а сама я пока успешно бегаю. Еще бы успешно найти артефакт и успешно от него избавиться, благо теперь я знаю, как он выглядит.

— Отчего вы погрустнели? — проницательно спросил Николай.

— Размышляю, как покупать одежду, — выкрутилась я. — Вряд ли стоит идти в лавку с деньгами в зубах.

— Дурной тон, — согласился Николай, явно с трудом удерживая улыбку. — Сразу пойдут слухи, что наследница Рысьиных увлекается азартными играми. Причем не просто увлекается, а серьезно проигрывает. Но к чему вам это? Я же говорил, что Оля такой вариант предусмотрела, поэтому у меня тут хранятся ваши вещи.

— Мои? — удивилась я. — Но откуда?

— Не совсем ваши. Те, которые прислала для вас Оля, — пояснил Николай. — Она, конечно, написала, что «все идет по плану», и даже подчеркнула это несколько раз, но на всякий случай прислала комплект одежды, о котором написала, что если все пойдет по плану, то одежда ей самой пригодится,

а если нет, то возможны варианты. «Возможны варианты» Оля тоже подчеркнула три раза.

Николай невозмутимо вытащил из шкафа сверток, довольно увесистый с виду, и протянул мне:

— Мне отворачиваться?

— А почему вы сразу не сказали? — обиженно выдохнула я. — Когда я попросила вашу рубашку?

— Я решил, что она вам нужна для магического ритуала.

— Зачем бы я тогда просила вас отвернуться?

— Ритуалы бывают разные. По слухам, самые действенные те, которые проводят в голом виде, — пояснил Николай, серьезно пояснил, но глаза его смеялись.

— И что я, по-вашему, могла проверять по рубашке? — недовольно фыркнула я.

— Например, правду ли я говорю об Ольге Александровне и не изменились ли мои чувства.

— Я это и так могу узнать. Не изменились ли ваши чувства, Николай? — немного ехидно спросила я.

— Мы, Хомяковы, так легко чувства не меняем, — гордо ответил он. — И если они появились, от нас так легко не отделаться.

— А мои чувства вам не интересны?

— Если бы они изменились, разве вы сидели бы здесь, да еще в моей рубашке, Лиза? — спросил он. — Надеть чужую рубашку для оборотня — все равно что признаться ему в любви.

Это было возмутительное заявление. Настолько возмутительное, что я стукнула так удачно подвернувшимся Оленькиным пакетом с моими вещами прямо по улыбающейся хомяковской физиономии. А он совершенно нагло уклонился, отобрал пакет, обнял и прошептал прямо в заострившееся от избытка чувств ухо:

— Лиза, вы, наверное, голодны?

Я повернулась ответить, что да, ужасно голодна, и неожиданно его губы встретились с моими. Наверное, воспитанная девушка охнула бы, покраснела и отпрыгнула на другой конец комнаты. Но я была совершенно невоспитанная, да и, как недавно выяснилось, уже успела сегодня признаться

в любви, поэтому отворачиваться и не подумала, обвила руками его шею и поцеловала. В конце концов, имею же я право на маленькую компенсацию за все мои мытарства? Маленькую хомяковскую компенсацию?

...☀ ГЛАВА 2 ☀...

Желудок предательски заурчал как раз тогда, когда Николай наконец решил вернуть свою рубашку. Во всяком случае, она точно поползла вверх, а около кровати был такой замечательный стул, где бы она прекрасно устроилась, если уж ее никто не собирался опять укладывать в шкаф. Но, увы, физиология всегда что-нибудь да портит, особенно когда она столь назойливо громкая. Николай очнулся, смущенно одернул мою-свою рубаху и хрипло выдохнул:

— Вы же хотите есть, Лиза. Я сейчас...

— Только не говорите никому, что у вас гости, — испуганно выдохнула я уже почти ему в спину.

— Разумеется. — Он даже не обернулся, лишь застыл у двери в ожидании, не скажу ли еще что-нибудь. — Никто не должен знать, что вы в Царсколеовске. Я попрошу принести ужин сюда.

Он вышел, а меня сразу накрыло осознание того, что чуть не случилось. Нет, чужие рубашки — зло, особенно когда под ними ничего нет, зато рядом тот, в чьем присутствии голова перестает работать должным образом. Оленькин пакет я дербанила с такой скоростью, словно от этого зависела моя жизнь, и клочки бумаги летели по всей комнате. Хорошо, что подруга предусмотрела все: от нижнего белья до скромного, но аккуратного тулупчика на меху, подозрительно напоминающего коврик у моей кровати в доме Звягинцева. Но теплая одежда мне пока не нужна, поскольку в комнате и так было отнюдь не прохладно, а теперь, когда мои щеки пылали, здесь казалось совершенно жарко. Единственно, что с ботиночками подруга промахнулась — были они мне самую малость великоваты, но если напихать в носок уже столь удачно порванной бумаги, то

нога переставала елозить и устраивалась даже с некоторым удобством.

Торопилась я напрасно. Николай дал мне время не только одеться, но и прийти в себя. Я даже по рубашке его успела пройтись очищающим плетением, которое вдобавок еще и убрало мой запах. Когда под дверью послышались голоса, осталось только набросить на себя отвод глаз и взять в руки демаскирующий меня тулупчик. Про порванную обертку я совершенно забыла.

— Ох и набросали вы бумаги, Николай Петрович, — неодобрительно сказала вошедшая женщина в строгом черном платье. Тем не менее мне она сразу понравилась. И не потому, что уже вышла из возраста, когда привлекают кавалеров, а потому, что держала поднос с хомяковским ужином, от одного взгляда на который желудок устроил настоящий скандал, с руладами и подвываниями. Хорошо хоть, полог не пропускал звуки. Не то чтобы я стеснялась этой дамы, но перед Николаем точно было бы неудобно. — Аккуратнее надо быть. Чай, за дополнительную уборку вы не доплачиваете.

Оборотнем от нее не пахло, но носом она дернула так, словно принюхивалась к чему-то, ища возможность придраться и поругаться. Не зря я убирала свой запах, ох не зря. Может, у нее особенно развиты нюх и интуиция?

— Я вам плачу достаточно, — отрезал Николай.

Настолько сурово отрезал, что квартирная хозяйка оскорбленно поджала губы и шваркнула поднос на стол так, что тарелки подпрыгнули. Вряд ли она так злится из-за нескольких клочков бумаги. Что за черная кошка пробежала между ней и ее постояльцем?

Это я и спросила сразу, как она вышла из комнаты, а я сбросила отвод глаз, оставив полог тишины на комнате, и начала собирать злополучные обрывки, которых было не настолько много, чтобы из-за них ругаться.

— Не кошка, волк, — поморщился Николай, который старательно делал вид, что это не мы с ним не так давно всю целовались. Я с готовностью поддержала его игру, благо строгое платье этому способствовало, и тоже всю делала